

Сауле

Беккулова

кандидат искусствоведения

КНИГА ЖИЗНИ ЕСИМА ЕДГЕБАЕВА

В современном искусстве Казахстана особое место принадлежит художнику Есиму Едгебаеву. Прирожденный ваятель, он обращал косную материю в живую плоть Духа. И возникли высокие в своем классическом решении образы Времени.

Есть в Алматы скульптурное произведение, автора которого сегодня не знают. Речь о горельефе «Образы Книги» в здании Союза писателей Казахстана, что возникает при подъеме со второго на третий этаж, в лестничном пролете. Созданный более трех десятков лет тому назад, он не утратил ни своего монументального, ни ментального значения, и, украсив «парадную» стену, стал ее смысловым и художественным средоточием.

Нам навстречу пружинным, легким бегом устремляются двое – Он и Она. Ее ладонь покоится в его руке, фигуры обращены фронтально к зрителю и, вопреки законам твердой материи, прорывают плоскость стены, выходя за её пределы и вынося мощный энергетический поток навстречу поднимающимся по лестничным маршам людям. Что создает такое впечатление? Прием глубокого рельефа, когда настенная скульптура приближается к круглой за счет «выплывающих» объемов, данных отдельными фрагментами. Так, актив движения «читается» в торсах героев, выдвинутых вперед, в упругих толчках выброшенных вперед в прыжке колен, в напряжении откинутых великолепных голов. Классическая правильность черт, благородство пропорций, тонкая проработка объемов, духовное горение героев – все вкуче дает картину гармоничную и выразительную. Древние манускрипты с тюркским и прототюркским шрифтом по двум сторонам от главных действующих лиц дополняют и завершают композицию, внося ясность в прочтение темы «Образы Книги». Это – молодость нации, прорывая косность материи, входит в День Сегодняшний и Завтрашний, неся в себе мудрость, дарованную великим знанием Книги Жизни.

Автор этого произведения, скульптор Есим Едгебаев ушел из жизни молодым, в августе 1992 г. Тяжко болея, он с завидным упорством продолжал работать до конца своих дней.

То, что он успел создать, вошло в сокровищницу национальной культуры как неопценимый вклад. Таков его «Аль-Фараби». Это был проект диплома по окончании московского института им. Сурикова по классу профессора М. Ф. Бабури-

на, корифея скульптуры советского периода. Его школа сформировала ясность аналитического мышления и склонность к овладению приемами классической лепки начинающего ваятеля. Фидий, Пракситель, Лисипп, позднее – Микеланджело и Роден – вот та галерея мастеров, у которых черпал вдохновение молодой Есим Едгебаев. Следствием пристального интереса и колоссальной внутренней работы стал памятник выдающемуся представителю культурного ренессанса Востока аль-Фараби. Без иконографического материала следовало воссоздать обли человека феноменального ума, эрудиции, благородства, создателя уникальных трудов – трактатов по философии, математике, астрономии, культуре, музыке, поэзии, словом, личности энциклопедического уровня знаний. Перепробовав множество вариантов, Есим остановился на обнаженной фигуре молодого человека, шагнувшего вперед с экстатически поднятой рукой, другую приложив к груди жестом вопрошения. Словно прислушиваясь к себе, он, откинув голову, прикрыл глаза и весь сосредоточен на мгновении. Этот миг длится вечность. Имя ему – прозрение. Трепет, охвативший духовный мир героя, передается и зрителям, неотрывно следящим за дальнейшим движением души аль-Фараби. Такова магия его воздействия! Все окружающее пространство вовлечено в это движение духа. Неслучайно на сдаче, то есть защите диплома, вся экзаменационная комиссия, поздравляя с отличием выпускника, напутствовала его жену: «Береги этого мальчика! Он – мастер!»

В 1985-м Есим создал своего Гани Муратбаева. Этот бюст представил публике состоявшегося художника, овладевшего искусством лепки в совершенстве. Вдохновенное лицо первого вожака комсомольцев, молодого казаха-интеллигента, посвятившего себя высокой идее служения будущему Отечеству, исполнено дерзости, решимости, ума и ослепительно красиво. Именно духовный потенциал героя дает такой заряд силы и притягательности. Убежденные в необходимости обрести глубокие знания в лучших вузах столицы – а это была Москва 20-х годов 20-го века с её великолепным профессорско-преподавательским составом ученых, – чтобы затем нести их в народные массы, юноши и девушки отбирались Гани Муратбаевым по всему Казахстану. Трагические судьбы этих одаренных специалистов оборвали события 30-х, 40-х, 50-х годов: репрессии, война, лагеря, расстрелы. А потом – десятилетия полного забвения. И теперь, в эпоху, когда эти имена вновь восходят в памяти потомков, образ Гани Муратбаева, созданный Есимом Едгебаевым, становится поистине бесценным. Это озаренное светом любви и веры лицо юного борца за лучшее будущее своей земли исполняется особого значения и мощи. Прошлое возвращает свои нетленные примеры мужества и доброты в лице первых сынов и дочерей нации.

Есим создал галерею портретов современников, лепя своих друзей, родных, знакомых, следуя классической традиции: делать то, что знаешь лучше всего, что близко и любимо. Потому каждый из них узнаваем и очень непосредствен в передаче характера.

Среди камерных композиций наиболее удачными оказались те, что обращены к извечной теме: природа и человек. Такова «Музыка» (1978), дающая идиллию взаимоотношений ребенка и его лошади. Малыш восседает на ее спине, прижав к губам флейту. Трогательный наклон головы, доверчиво склонившаяся фигура, ответный поворот лошади – всё согрето теплом любви и покоя. А «Тишина» (1978) воссоздает сцену притяжения двух жеребят, скло-

нивших головы навстречу друг другу, касаясь гривами. Элегическая грусть и пронзительная нежность «очеловечивают» этот сюжет, обнаруживая тонкий психологизм.

Увы, отнюдь не всегда монументально-декорационные работы имеют долгий век. Многие из них исчезают бесследно при ремонте и реставрации зданий. Такова оказалась и участь работ Е. Едгебаева, сделанных для областных центров Казахстана.

Из последних его произведений замечателен бюст Гани Муратбаева (1986), исполненный в технике выколотка, из меди. Этот образ стилистически разнится от первого. Здесь лицо более зрелое, сдержанное, хотя характер сохраняет решимость и твердость: более жесткие линии рта, укрупнились желваки, сильнее выдвинулись лобные округлости, жестче промоделированы крылья носа, глубже запали глаза. Прежним остается лишь завершенная классическая красота облика высокодуховного человека, сложившейся личности. Это произведение осталось в Москве.

И всё же, листая страницы памяти, я вижу лицо моего друга ясным и открытым. Как и его творчество.

Немногословный и чуткий, Есим хорошо отзывался о близких людях. Среди художников он выделял графика Темирхана Ордабекова и живописца Ерболат Топебаева. И со свойственной ему категоричностью предрекал их будущее в прямой зависимости с их нынешним днем и направлением поисков. Прогнозы высказывал в лицо, без обиняков, не боясь не быть понятым. И никогда не ошибался. Неудивительно, что впоследствии эти друзья вспоминали о нем с изумлением и печалью, чтя память тех встреч, как драгоценный дар. Есим отдавал должное таланту блистательного колориста Ерболата, наделенного способностью чувствовать мир души своих моделей и уметь раскрыть космос их человеческих переживаний и устремлений. Именно в «Портрете Чингиза Айтматова», полотнах с романтическими именами «Юность, О...!», и «Наедине со временем» он явил миру свой взгляд на мир, став яркой звездой в плеяде современников конца 1980-х. Пришло признание, а с ним – иной круг обязанностей и интересов. В творчестве это чревато потерями. Есим предупреждал негромко, тихим голосом и... содрокаясь каждым нервом. Цена любви к ближнему.

Тимка, как ласково звал он Ордабекова, ровесника и такого же молчуна, ревниво оберегая мир своих образов, глубоко погружаясь в их полную страстей и коллизий судьбу. Это – мир казахской поэзии, древней и современной. Отточенность языка литературы влечет художника в эпохи отдаленные и близкие. И рождаются лики мощных, неукротимых батыров мысли и плоти, ведущие за собой народ. Это – «Алдаспан».

Черно-белая живопись линогравюр Тимура Ордабекова эпохи 1980-х обрела эквивалент драгоценному слову сказителей казахского народа. Есим просил друга не замыкаться в кругу тем только национальных, искать себя в общемировом масштабе культуры и истории, видя в творчестве коллеги огромный потенциал возможностей и сетуя на суженный им круг интересов, но зная, кто живет и творит рядом с ним, и радуясь, и гордясь.

Среди ровесников он выделял еще молодого скульптора Узака Шанова, ожидая от него большого будущего, и не ошибся.

Однажды, встретившись в мастерской Тимура, мы рассматривали новые его работы. Меня усадили за стол, а сами – Есим, Ерболат, Тимур стояли за спиной. Разговор коснулся запретной темы взаимоотношений. Повисла напряженная тишина. А потом раздался приглушенный голос Есима: «У меня есть только один настоящий друг». И после паузы добавил: «Это – Сауле». Вздвогнув, окаменела, предчувствуя недоброе и не в силах вымолвить слово. Смертельная рана нанесена была самолюбию ребят, бывших самыми близкими, единомышленниками Есима. Обернувшись, увидела потемневшее, бледное лицо и успокаивающий жест: «Ничего, всё правильно, они поймут». Вслух произносить такие вещи мне кажется кошунством. Как и однажды произнесенные в телефонную трубку слова о моем назначении и долге. Тогда я расплакалась и кричала, упрекая в непонимании. А теперь всем существом благодарю Небо за ниспосланный дар, великий дар дружбы с человеком, чье имя означает «мудрость» и «осознание». Посмеиваясь над моими страхами и сомнениями, он делал больно, высказывая вслух свою точку зрения, чтобы потом неизменно быть правильно понятым. И наступало прозрение, становилось светло и радостно. Поистине счастливый талант нести людям Свет олицетворял собой мой друг Есим. Этот свет и тепло источают свое обаяние и по сей день, согревая душу.

Изредка, как бы невзначай, Есим «выдавал» свои откровения, посмеиваясь моей реакцией. «Ты не думай, что я – такой уж идеальный. У меня в студенчестве была жена, она оставалась здесь, в Алма-Ате, пока я там, в Москве, учился. Родила девочку. Спилась. Да, я бросил её. Другие женщины? Были, они – не в счет. А вот Оля моя – единственная, кто понравился моему отцу. Ну вот, тепер она – мать моих детей, ты знаешь».

Да, я знала, что за внешней грубоватостью – глубокое чувство преданности и любви, серьезная ответственность за жизнь любимых жены, сына и дочери. И страстное желание всё им дать для счастья. А сроки свои Есим знал – и говорил об этом мне прямо, заставляя подчиниться неумолимости законов брэнной жизни.

Жизнерадостный, бьющий солнечной энергией нрав Оли согревал дом, где все полки шкафов и стены заставлены были скульптурными эскизами из пластилина и гипса. Где росли надежды и планы на завтра вместе с красивыми, одаренными детьми, запоем читающими содержимое домашнего хранилища ценностей – библиотеку родителей.

В последний раз находясь в стационаре, после тяжелого инсульта, Есим в беспомощности звал: «Оля, Оленька!», удивляя соседей по палате. Об этом, смеясь, рассказывала мне она, содрогаясь от ужаса предстоящей потери. И, плача, жаловалась на черствость врачей, не позволяющих находиться с ним рядом. «Представляешь, говорят: “Подумаешь, какой мученик выискался, прямо Христос!” А я им: “Да, он – Христос, а вы этого даже не видите, бессердечные вы люди!”» И снова, плача и смеясь, смахивая слезы: «Они ведь не знают, что он не просто художник! Они не понимают! Они ведь просто врачи!»

Притупилась жгучая боль прощания, осталось чувство невосполнимой утраты и светлая печаль. Минуло 12 лет – целая эпоха в нашей жизни. Столько перемен! А Ольга навсегда осталась любимой, единственной человека, которому судьба даровала счастье быть её мужем и защитником. И уйти из жизни молодым, сохранив свою веру в лучшее. Для него этим лучшим виделось продолжение в ласковой дочери, которой он дал имя – благоуханный символ города – Алма.

На письменном столе украшением и всегдашней памятью служит мне крошечный томик. Его в нагрудном кармане Есим всегда имел при себе. Об этом, вручая книжку, сказала жена: «Он носил её под сердцем вместе с нашими фотографиями, возьми, теперь она – твоя». Изнутри вся она изрисована карандашными каракулями. Лишь трехлетней дочке – Алмуше дозволялось «изучать» содержание – великолепные иллюстрации Микеланджело флорентийского издания. Словно вся скульптура гениального ваятеля умещается в ладони. И заставляет биться сердце неукротимой мощью мыслителя, философа, ваятеля и живописца – преданного сына своей Земли – Италии и планеты с этим неповторимым именем.

Узнать о совпадении вкусов и пристрастий – всегда радость. Микеланджело вызывал во мне восхищение еще с детства, именно как скульптор (с монументальными его фресками привелось познакомиться много позже).

Как-то, беседуя у нас дома, я обронила фразу о том, что из современных скульпторов мне близок Роден. Чашка чая замерла в тонких пальцах. Испытующе глядя, Есим спросил: «А больше всех – кто?» Не задумываясь, ответила: «Конечно, Микеланджело!» В ответ последовало: «А за что?» Пришлось признаться, что Роден стал близок благодаря Микеланджело, в этом я не сомневалась никогда. По времени рождения и творчества Микеланджело не просто «титан Возрождения», но мастер на все времена, потому что раскрывает сокровенную тайну бытия о том, что лишь Человек – мерило всех ценностей, и земных, и небесных, поднимая его на высший уровень Духа и Души. Именно в этом для меня его тайна и откровение.

Есим долго молчал. Потом, допив свой остывший чай, молча извлек миниатюрную книжицу и протянул мне. Дорогое издание, оно было бесценно по качеству, подобных я не встречала – увы! – ни в Алма-Ате, ни в Ленинграде. «Моисей», «Давид», «Пьета», мадонны, бесчисленные фрагменты произведений, ставших достоянием лучших музеев мира и человечества – всё в цвете, с филигранной точностью в передаче формы, оттенков, нюансов. Словом, книжка меня поразила. Возвращая, не могла вымолвить слова. А следом такая радость нахлынула, затопив сердце, что вопросы были ни к чему. Есим понял. Он, скупой на слова и жесты, вдруг широко улыбнулся, просветлев лицом, покачал головой и спросил: «А разве ты сразу не догадалась?» И это было подобно прикосновению к сердцу – трепетному, бережному, доброму. Тепло осталось навсегда.

Порой мы прозреваем слишком поздно. По счастью, встреча с Есимом подарила мне ослепительное чувство открытости и доверия к миру. Именно уверенность в доброте и честности окружения – о ком бы речь ни шла – помогала ему оставаться верным себе в творчестве, как и в жизни. Сохранять достоинство и веру – главный критерий его мировидения. И, конечно же, люди вокруг него всегда – вольно или невольно – стремились подтягиваться до этой «планки», ценя его благородство и уверенность в правоте. Это всегда поднимает душевный настрой и желание достичь желаемого, будит в душе чувство ответственности, мобилизуя силы. Говорить об этом в присутствии Есима казалось немислимо смешным, он бы высмеял это первый. Закон чести не терпит суесловия и, безусловно, он великолепно понимал и чувствовал суть каждого. Чувствовал «кожей». А потому был раним и уязвим для тех, кто жил другими мерками, заземленными, сиюминутными. Казался им «странным». Об этом писал Чингиз Айтматов, как о «трудной судьбе доброты, не существующей в идеальных, как бы специально для нее созданных

условиях. В реальной жизни доброта постоянно наталкивается на сопротивление действительности, отыскивая в себе силы для этого сопротивления, и продолжает свой путь».

Понадобилось время, чтобы осознать, сколь неповторима и высока струна духовного напряжения, ведшего Есима по земному пути. Художник по высшему счету, он «выложился» в своем творчестве, сказав о мире и своем видении возвышенным языком мечтателя и борца. Избрав героем современника, человека XX века. Однажды, лишь однажды мы коснулись запретной темы (Есим терпеть не мог восхвалений и напыщенности в чем бы то ни было). Я, внезапно вспомнив, влух произнесла строки А. С. Пушкина: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы!..» Как он любил Россию!»

Есим, недолго помолчав, ответил вдруг охрипшим голосом: «Любить свое Отечество – этого еще мало! Надо отдать служению ему все свои силы, знания, все помыслы свои! Тогда толк будет».

Время вносит свои коррективы неизменно и верно. Ныне, переступив порог XXI века и третьего тысячелетия, мы убеждаемся в прозорливости художника, избравшего своим идеалом образ лучших сынов Отечества. Он воплотил их в реальность. Есим Едгебаев, художник и человек, прозрел будущее своего героя, своей Отчизны и, запечатлев вдохновенные черты героев Будущего, обрел бессмертие. Разве не о нем строки поэта XX века Булата Окуджавы:

Совесь, Благородство и Достоинство –
вот оно, святое наше воинство.
Протяни ему свою ладонь,
за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.
Посвяти ему свой краткий век.
Может, и не станешь победителем,
но зато умрешь как человек.

